

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-8-19

ФЕНОМЕН АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ГОГОЛЯ: ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ЖЕЛАЕНЫМ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ

Маркелова Т. В., Петрушина М. В.

АНО ВО Институт современного искусства

121309, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27а, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Описание и обоснование стремления Гоголя к положительным оценкам в поиске положительного героя. Создание аксиологического портрета Гоголя в контексте лингвоаксиологических изысканий.

Процедура и методы. Теоретическую основу исследования составили труды по исследованию категории оценки в полипарадигмальном контексте (Е. М. Вольф, В. И. Карасик, Т. В. Маркелова); по исследованию языка Гоголя с его богатым лексическим составом (В. В. Виноградов, Б. Н. Эйхенбаум), поэтике (В. А. Ворopaев); по когнитивистике (В. И. Карасик) В данном исследовании были использованы методы компонентного семантического анализа, лингвокогнитивного анализа, лингвостилистического анализа речевого полотна художественного текста в интерпретационном контексте парадигмы автор – адресант – художественный текст – читатель – адресат; прагматилистический анализ эстетического знака; интерпретационный анализ.

Результаты. Познание мира в художественном мышлении проходит через познание языка, который создаёт возможность для творческого диалога субъекта с языком, и здесь совершается в буквальном смысле открытие языка, его системы и возможностей. Таким открытием был для современников и до сих пор остаётся для нас язык «смеющегося судьи», воодушевлённого жадной познания России и русского человека. Аксиологический портрет Гоголя рассмотрен как феноменальное явление русской жизни, актуальное «вчера» и «сегодня», воодушевлённое жадной положительного героя, вынужденного в анализируемом художественном пространстве удаляться от того реализма, которым его благословил его талант. Выявлены особенности оценки-фантазии, отражающей парадоксальные и абсурдистские смыслы, выходом из которых является обнаружение положительных смыслов в русском человеке и русской жизни. В качестве оценочного противопоставления описывается приём «превращения» похвального в порицательное, отрицательного в положительное, чиновник-мертвец превращается в благородного рыцаря. Демонстрируется роль прагмем в выражении двойной оценки как базиса оценки-фантазии. Несуществующее, нереальное предстаёт в оценочной ипостаси.

Теоретическая и/или практическая значимость. Опираясь на теоретические данные, оценочную классификацию и современный когнитивно-дискурсивный подход к тексту, выявлены специфические черты оценки-фантазии, показана её роль в исследовании творчества Гоголя – «заколдованного места» русской литературы, сокровищницы «бессмертного смеха», пространства ирреального в реальном. Предпринята попытка современного прочтения гоголевских предвидений.

Ключевые слова: абсурд, аксиология, ирония, оценка, парадокс, прагмема

PHENOMENON OF GOGOL'S AXIOLOGICAL PORTRAIT: CONTRADICTION BETWEEN THE DESIRED AND THE ACTUAL

T. Markelova, M. Petrushina

Institute of Modern Art

ul. Novozavodskaya 27a, Moscow 121309, Russian Federation

Abstract

Aim. To describe and justify Gogol's desire for positive assessments in the search for a positive character. To create an axiological portrait of Gogol in the context of linguistic-axiological research.

Methodology. The theoretical basis of the study was made up of works on the study of the assessment category in a multi-paradigm context (E. M. Wolf, V. I. Karasik, T. V. Markelova); on the study of Gogol's language with its rich lexical composition (V. V. Vinogradov, B. N. Eikhenbaum), poetics (V. A. Voropaev); in cognitive science (V. I. Karasik) This study used the methods of component semantic analysis, linguistic-cognitive analysis, linguistic-stylistic analysis of the speech canvas of a literary text in the interpretive context of the author-addresser – literary text – reader-addressee paradigm; pragmatic-stylistic analysis of an aesthetic sign; interpretive analysis.

Results. Knowledge of the world in artistic thinking passes through the knowledge of language, which creates the opportunity for a creative dialogue between the subject and language, and here the discovery of language, its system and its capabilities is literally accomplished. The language of the “laughing judge,” inspired by the thirst for knowledge of Russia and the Russian people, was a discovery of this kind for contemporaries and still remains for us. The axiological portrait of Gogol is considered as a phenomenon of Russian life, relevant “yesterday” and “today”, inspired by the search of a positive character forced in the analyzed artistic space to move away from the realism with which his talent blessed him. The features of assessment-fantasy are revealed, reflecting paradoxical and absurdist meanings, the way out of which is the discovery of positive meanings in Russian people and Russian life. As an evaluative contrast, the technique of “transforming” the commendable into the blameworthy, the negative into the positive, the dead bureaucrat turning into a noble knight, is described. The role of pragmemes in the expression of double evaluation as the basis of assessment-fantasy is demonstrated. The non-existent, unreal appears in an evaluative form.

Research implications. Based on theoretical data, evaluative classification and a modern cognitive-discursive approach to the text, specific features of evaluation-fantasy are identified, its role in the study of Gogol's work is shown - the “enchanted place” of Russian literature, the treasury of “immortal laughter”, the space of the unreal in the real. An attempt has been made to interpret Gogol's visions in a modern way.

Keywords: absurdity, axiology, irony, assessment, paradox, pragmeme

Введение

Новое время даёт возможности нового прочтения – интерпретации художественного текста. Его восприятие зависит от системы ценностей нового читателя, его аксиологического багажа, когнитивных возможностей интерпретатора и его дискурсивных потребностей [9; 12]. Тайна Гоголя, его смеха как разрушительного оружия, как главного героя его художественного пространства, как первого из писателей русских, который был «Провидец будущего и прошлого зарисовал настоящее, но вложил в него какую-то нам неведомую душу. И настоящее стало прообразом чего-то... Но чего?» [2, с. 308] будоражит умы лингвистов, отправляя их на поиски противоречивых оценок как ос-

новы смехового пространства и реализующих его языковых средств. Этому поиску способствует развитие лингвоаксиологии в современной филологической науке, представляющее функционально-семантического поле языковой оценки – выражение ценностного отношения субъекта к предмету речи средствами лексико-фразеологического, словообразовательного и синтаксического уровня [6].

Борьба ценностей и антиценностей, положительного и отрицательного, смешного и грустного, героического и трусливого в художественном пространстве Гоголя [4; 5] отражает поиск положительного героя, поиск победы хорошего над плохим, стремление служить Родине: «Для того, чтобы создать нечто положительное, он должен

был уходить из своей эпохи, удаляться от того реализма, которым благословили, которым проклинали его взыскательные музы таланта» [1, с. 83]. Бесконечное стремление к этому «хорошему», тяга к воплощению гражданских и нравственных идеалов, наконец, любовь к «душе нашей – Родине» – даёт новые смыслы гоголевскому смеху и раскрывает в нём оценки современного состояния России и её геополитического положения. Их ощущал Андрей Белый в его определении «видения Гоголя»: «А теперь мы стоим перед тем же видением – видением Смерти. И потому-то видение Гоголя ближе нам всего, что было сказано о нас и о родине нашей. Мы должны помнить, что покрывало смерти спадает лишь тогда, когда мы души наши очистим для великой мистерии: мистерия это – служение Родине, не только в формах, но в духе и истине. Тогда спадёт с неё саван, явится нам душа наша, родина» [2, с. 314].

«Жизненный ритм души», «экстаз души живой» – эти оценки Андрея Белого отправляют на поиск особенностей слога и стиля, специфики речевого портрета писателя, который любил и стремился показать положительные смыслы, но был «обречён» смеяться: «Ведь это – великая скорбь: быть обречённым на то, чтобы смеяться» [1, с. 86]. И тогда он находит положительное в отрицательном, ищет оценки восторженные, похвальные, одобрительные, как бы «подкладывает» их в отрицательную канву художественного образа во всех его ипостасях, и невозможно иногда понять, это серьёзно похвала или видимость её. «Его положительное находится, как мы уже видели, в иной области – там, где царят яркие краски и где он оказывается способным только на гиперболу и риторику» [1, с. 84].

В повестях «Шинель» и «Нос» Гоголь не просто использовал совмещение риторики похвалы с риторикой порицания, гиперболу восхищения с гиперболой возмущения, но и сумел на этой основе создать **необычное положительное**: наказание зла в «Шинели», затмившее трагичность смерти героя – «маленького человека», и возвращение прежнего вида майора Ковалёва:

«нос тоже как ни в чём не бывало сидел на его лице» в «Носе».

Язык стремящейся к положительно-му души Гоголя – «самой утончённой» (А. Белый) души XIX столетия – реализует этот замысел в фантазии, вымышленных событиях, избирая два сюжетобразующих объекта – артефакт – *шинель* как символ страданий души «маленького человека» (чиновника самого низкого ранга, титулярного советника) и соматизм *нос* как символ страданий души чиновника (майора). Символический характер [17] двух вожденных предметов – желания от необходимости (выношенная шинель в Петербургский мороз и её кража) и обретения носа, потерянного при непонятных и неопределённых обстоятельствах (происшествие «скрывается туманом»), задаёт особый вектор аксиологического портрета Гоголя в этих текстах – смещение положительного и отрицательного, «преображение» реальности в фантастику, вымысел, осознаваемый читателем как реальность.

Оценка-фантазия в аксиологическом портрете Гоголя

Аксиологические смыслы превращения реального в ирреальное, отрицательного в положительное и наоборот – значимы для души писателя, искавшей **идеала**, то, **чего не может быть, но есть, тем не менее, на фантазийной основе**. Именно здесь вечное противоречие, раздиравшее Гоголя – между отрицательными и положительными героями, между государством и маленьким человеком, между родиной и ужасами её существования, между необходимостью чиновников в устройстве государства и подлостью их поведения, – ищет своей реализации и преподает читателю – «ученику», (не другу, не приятелю) «урок» в занимательной форме – языковые импульсы доброй иронии, пробивающейся через иронию злую и горькую.

Оценка-фантазия имеет свою специфику, основанную на прагматическом содержании термина. Под прагмемой понимаются предметно-оценочные слова,

оценивающие собственную предметность и опредмечивающие собственную оценочность, «свёрнутые» оценочные суждения, выражающие отношение автора к явлению, «самозначимые» слова [11]. Слово «фантазия» – «средняя» прагмема, аксиологическая природа которой основана на семеме 2 «продукт воображения, мечта» и семеме 3: «о том, что является неправдоподобным вымыслом; выдуманной». Семантические шаги – «предмет желаний», «неосуществимый», «не соответствующий истине, действительности», «чрезвычайный», «изобретательный» – отправляют на поиски языковых средств выражения оценки-фантазии и элементов гоголевского идиостиля, об общем содержании которых выразительно писал А. Белый: «... естественная плавность его слога складывается из двух неестественностей: Она складывается из тончайшей ювелирной работы над словом, и притом такой, что остаётся совершенно непонятным, как мог Гоголь, нагромождавший чудо технического искусства на чуде, так что ткань его речи – ряд технических фокусов, – как мог Гоголь именно при помощи этих фокусов выражать экстаз души живой?» [2, с. 314].

Прагмема – идеальный знак для «технических фокусов» Гоголя, так как предметное и оценочное значения в ней тесно связаны, неотделимы друг от друга, реализуют смыслы оценочного слова-предложения, а положительное или отрицательное значение знака специфически совмещено с его прагматической функцией, основывается на ней и несёт в себе поэтому «двойную» оценочность. В категориальном смысле – это одновременность отношения к предмету, обозначенному словом, и отношения субъекта речи к слову.

Прежде чем обратиться к поискам «технических фокусов» и построить аксиологические модели повестей как основу аксиологического портрета Гоголя, определим оценку как основу языкового творчества, понимая под ней «функционально-семантическую категорию, реализуемую в речевой деятельности системой разноразрядных речевых средств» и выра-

жающую ценностное отношение оценивающего субъекта к объекту с позиций разных видов оценки – сенсорной, интеллектуальной, утилитарной, эстетической, моральной. Особую роль в формировании аксиологического портрета художника слова как языковой личности играет взаимодействие в категории оценки трёх элементов: динамика коммуникативных намерений в их градации: одобрение – похвала – восхищение // неодобрение – порицание – возмущение; динамика шкалы оценок: хорошо – довольно хорошо – очень хорошо // плохо – довольно плохо – очень плохо; динамика наполнения эмоций: удовольствие – радость – восторг // неудовольствие – презрение – пренебрежение – уничижение – возмущение – гнев [10, с. 150].

Для языковой личности **оценка**, имея когнитивно-дискурсивную [12] природу языкового знака, с одной стороны, является первоисточником эмоций смеха-плача языковой личности (М. М. Бахтин, Е. М. Вольф, Г. Г. Слышкин, В. И. Карасик и др.), с другой, категория оценки выступает в роли некоего ориентира в жизни общества, что очень важно для Гоголя. Аксиологизм человеческих эмоций – в нашем случае – смеха и плача – детерминирует национальную дифференциацию комического: «Можно сказать, что французский смех отличается изяществом и остроумием (Анатоль Франс), немецкий – некоторой тяжеловесностью (комедии Гауптмана), английский – иногда добродушной, иногда едкой насмешкой (Диккенс, Бернард Шоу), русский – горечью и сарказмом (Гоголь, Салтыков-Щедрин)» [16, с. 18].

Любая разновидность смеха, в том числе смех горький и саркастический, представляет возможность диалога между его субъектом и внешним миром, направленную на возможность исправления мира. Смеховое начало аксиологической эстетики Гоголя, несмотря на многочисленные работы по его языку и стилю (В. В. Виноградов [4; 5], Б. Эйхенбаум [18], А. Белый [3] и мн. др.), не позволяет полностью раскрыть тайну связи эмоции – негативной и позитивной –

с оценочным сознанием автора, его попытки найти положительное в отрицательном и отрицательное в положительном. М. М. Бахтин предупреждал, что эстетике ещё только предстоит проникнуть в глубины мудрого смехового начала, правящего наиболее яркими художественными мирами (с их языковым пространством) в искусстве всех веков [2].

Элементами аксиологического портрета писателя в очерченном нами художественном пространстве повестей «Шинель» и «Нос» являются выделенные нами (перечень может быть продолжен):

- «основные приёмы сказа» и «система их сцепления», по Б. Эйхенбауму;
- языковая фантазийность содержания и формы повествования;
- противопоставленность языковых оценок в образах Башмачкина и «значительного лица».

Лингвоаксиологический анализ

Спецификой аксиологического устройства повествования в «Шинели» является то, что рассказчик-автор говорит как бы «изнутри» описываемого лица, объекта оценки. Большая часть повествования – внутренние ощущения героев, что особенно важно для структурно-семантического анализа оценочных средств – прагматической и коннотативной лексики в её узуальном и окказиональном аспектах. Экспрессия этих ощущений идеально передана Б. Эйхенбаумом: «Настоящая динамика, а тем самым и композиция его вещей – в построении сказа, в игре языка. Его действующие лица – окаменевшие позы. Над ними в виде режиссёра и настоящего героя (см. у нас – «изнутри» описываемого лица. – Т. М., М. П.), царит веселящийся и играющий дух самого художника» [18, с. 33]. Исследователь подчёркивает «чистый комический сказ», с приёмами языковой игры и патетической декламацией.

Выступая как языковая личность – субъект оценки – творец текста, Гоголь избирает форму скрытого каламбура в содержании и форме текста повести «Шинель».

«БезОбразные», неоценочные (и без лексического значения) указательные местоимения с помощью повтора выстраиваются в характеристику комического постоянства Башмачкина: *его видели все на одном и том же месте, в том же положении, на той же должности, тем же чиновником на письме*¹, восходящего к гротеску порока в его неизменности: *родился на свет... в вицмундире и с лысиной на голове*²; ироническая оценка безграничной покорности демонстрируется с помощью отрицательной лексики «молчания» и «невосприимчивости»: *ни одного слова не отвечал, как будто никого и не было перед ним, он не делал ни одной ошибки в письме*³; субъективная модальность невозможности реализована в выборе имени «без выбора» *совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно*⁴; рефрен мягкого побуждения, «скрытой» повелительности *«Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?»*⁵ обусловлен этимологической игрой и звукописью собственного имени Акакий Акакиевич (греч. – незлобивый, беззлобный, невинный). Вымысел как составляющий элемент оценки-фантазии в полной мере сопровождает проанализированные черты сказа.

С помощью прагматической сферы оценочной лексики Гоголь раскрывает и социальный феномен Петербурга, играющий особую роль в оценке-фантазии. В первых строках «Шинели» автор повествования обобщает будничную реальность «составляющих» петербургской чиновничьей жизни, обрамляя её в раму из «сильных» отрицательных прагмем-предикатов – *ничего нет сердитее* – в сочетании с усиленной выделительно-определяющей семантикой местоименного выражения *всякого рода – департаментов, полков, канцелярий... должностных сословий*; где *всякий* – не только «каждый», «всевозмож-

¹ Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 143.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 144.

ный», но и «неавторитетный»¹; развивая неопределённость имени числительного в функции местоимения – *в одном департаменте служил, один чиновник*²; доводя обезличенность чиновничьей среды до петербургской мифологии, говоря от обобщённого имени: *всякий частный человек считает в своём лице оскорблённым всё общество...* Семантика обиды, гнева, унижения, реализуемая прагмемами *сердитее и оскорблённым*, в самом начале текста подготавливает читателя к восприятию **всевластия социальной среды**.

Высока роль местоимённых слов, относящихся в русской лингвистической традиции к числу субъективно-объективных категорий, в формировании аксиологического портрета Гоголя. В роли «технического фокуса» сказа они отражают характеристики, данные А. М. Пешковым: «Местоимения представляют собой такую единственную в языке и совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой неграмматические части слов (корни) ... обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чём он мыслит», представляют собой «форму на форме», выражают понятия «яйности» и «самости» [15, с. 154] «...местоименность врезывается в синтаксический строй языка» [15, с. 158] и помогает Гоголю применять технические приёмы создания сказа и выражения оценки-фантазии.

В текстовом пространстве «Носа» абсурдность фантазмагии подчёркивается лексемой *туман*, завершающей первую часть рассказа о *странном* происшествии в Петербурге, которое *совершенно закрывается туманом*³, и второй части, повествующей о поисках *носа* его владельцем и отдельного от человека существования

носа – прогулки по Невскому проспекту, визиты и так далее: *...но здесь вновь всё происходит скрывается туманом*⁴. Гоголь использует не только главное значение этой «слабой» прагмемы – «непрозрачный воздух», «водяные пары», но и оценочную коннотацию – «о состоянии неясности, смешанности мыслей представлений»⁵. Именно эти смыслы делают незаметной подмену человека «чином» – *нос* не просто стал человеком, но чиновником пятого класса «в шитом золотом мундире». Его – *нос* – видят не как часть лица, а как «штатского генерала».

Способность людей представлять суть человека только как чин и должность, и видеть в нём только их, а не реальное лицо – личность, доводится Гоголем до фантазмагорического абсурда – они не узнают ряженого, а сам *нос* «переживает» превращение в человека-чин.

Гоголь во всей полноте деталей и тесноте лексического ряда рисует абсурдное состояние дел, характеризующее «как отсутствие смысла» там, где смысл должен быть» [8, с. 40], используя «прагматический модус» абсурда, представляющий событие или поступок в иррациональной интерпретации [8, с. 40]. Совмещение реального *носа* майора Ковалёва (с прыщиком), отделившегося от тела, при этом запечённого в хлебе, завернутого в бумажку, и *носа* социально обобщённого и художественно изображённого, «явления неизъяснимого» (*господин в мундире ... на нём были замшевые панталоны; при боку шпага*⁶) порождает «технический фокус», который определяет фантастику в «Носе» как вездесущую и одновременно не существующую тайну, абсурдность, иррациональность, неотличимость бреда от реальности, «двуликость» *носа*.

Здесь реализуется «двойственный» характер оценки-фантазии, которая аффек-

¹ Всякий // Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998. С. 162.

² Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 141.

³ Гоголь Н. В. Нос // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 52.

⁴ Там же. С. 72.

⁵ Туман // Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998. С. 816.

⁶ Гоголь Н. В. Нос // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 55.

тивнее обычной качественной оценки – гротеск-гипербола, построенная на абсурде, доходит в ней до парадокса, демонстрирует патологию человеческого духа в процессе восприятия действительности, в которой он находится: «Смех-немезида, смех, как выражение укоризны и совести, является одной из отличительных особенностей Гоголя, великого обвинителя, он небратски, невеликодушно подмечает скрытую вину, “комический задор” всякого и каждое встречное существо поворачивает к себе его смешною стороной» [1, с. 82]. Смех оценки-фантазии вызван миром, вывернутым наизнанку: *прогуливающийся нос коллежского ассесора Ковалёва воспринимается то как «редкий феномен» и «назидателен для юношей», то порождает серьёзное недовольство «почтенных и благонамеренных людей».*

Похвала порицаемого, одобрение недобрительного вызывает особый комизм – комизм несообразности, абсурдности, непостижимости логикой мышления, который в повествовании квалифицируется как *чепуха совершенная, неправдоподобие, сверхъестественное, вздор, несообразность, непонимание*. Эта парадигма отрицательных оценок-прагмем объединяется в лексико-семантическое поле с нейтральным именем **странный**, которым Гоголь начинает повествование и «закольцовывает» его – *точно странно сверхъестественное отделение носа и появление его в разных местах в виде статского советника; но что страннее, что непонятнее всего, – это то, как авторы могут брать подобные сюжеты*². В этом слове и его лексико-семантическом поле заложена борьба двух значений: «отклоняющийся от нормы или в силу необычности и непривычности, или в силу нелогичности, непонятности или необъяснимости того или иного явления действительности» и имплицитное отношение субъекта оценочного суждения,

порождающее сему усиленного неприятия (автор порицает себя самого) события, ибо от него: *нет пользы отечеству (во-первых и дважды – во-вторых)*. «Сильные» отрицательные прагмемы *неприлично, неловко, нехорошо* оценивают происшествие в его абсурдности – объявление о пропаже носа, его прогулки по проспектам и др.

Но парадоксальность оценки-фантазии заключается в отношении Гоголя к обретению майором Ковалёвым вожделенного – утерянного *носа*, в **возвращении к реальности без правдоподобия**. Одобрительные оценки, («хорошо»), постоянное подтверждение бытия («есть нос», «сидит на своём месте»), пребывание Ковалёва «в хорошем юморе», даже комическое олицетворение объекта оценки – *нос тоже как ни в чём не бывало сидел на его лице* свидетельствуют об обретении положительного смысла события: абсурдный смех переходит в комическое отношение, пронизанное иронией. Повтор фразеологизма *как ни в чём не бывало* придаёт особую краску аксиологическому портрету писателя, ибо его семантика – «вовсе не замечая того, что произошло», «как будто бы ничего не случилось» – возвращает к поиску «хорошего», к удалению от «плохой» реальности в область не существующего. Об этом свидетельствуют именно языковые факты, не только «разрушающие» смехом, но и «созидающие» им: «Я не могу перечислить здесь и сотой части всех тех сознательных ухищрений, к которым прибегает стилистика Гоголя. Знаю только одно: в стилистике этой отражается самая утончённая душа XIX столетия, нечеловеческие муки Гоголя отразились в нечеловеческих образах; а образы эти вызвали в творчестве Гоголя нечеловеческую работу над формой» [3, с. 308].

Концепт «ДУША» и его реализация в аксиологическом портрете. В поиске положительного

Сложнейший концепт – «душа Гоголя» – реализуется «душами» его героев в их языковой оценке. На всем протяжении худо-

¹ Гоголь Н. В. Нос // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 88.

² Там же. С. 92.

жественного творчества писателя – это живые и мёртвые души, черти и двойники, в нашем исследовании аксиологического пространства повестей «Шинель» и «Нос» – это душа «маленького» человека, чиновника, сначала обрётшего, а потом потерявшего от злых сил вожделенный предмет – шинель, не только спасение от мороза Петербургской зимы, но и смысл всей жизни и душа чиновника, утратившего в абсурдных обстоятельствах нос – «орган обоняния, находящийся на лице человека»¹.

Аксиологические портреты этих душ при всём комизме их изображения отражают парадокс оценки-фантазии: «маленькая» личность вырастает в «большую» – мстителя за всех униженных и обиженных насильственными действиями – мертвеца в виде чиновника, который под видом стащенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели... Душа Башмачкина, наказывающая всех без разбору, обидчиков во всяких шинелях – на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи² добралась и до противопоставленной ей Гоголем души значительного лица, который «чуть не умер». Высокая оценка фантастического мстителя, построенная на парадоксе «похвалы порицаемого», создаётся рядом языковых приёмов, «обрамляющих» аксиологический портрет Башмачкина, настраивающих читателя на положительное восприятие героя при всём комизме его изображения. В этом портрете в «вечной» антилизе живёт «хорошее и плохое».

«Хорошее», одобрителное реализуется писателем с помощью «сильных» положительных прагмем-предикатов: служил с любовью, наслаждением, умел быть довольным своим жребием, питался духовно, нося в мыслях вечную идею будущей шинели. Языковой приём олицетворения шинели как «приятной подруги жизни» и характеристики её

как предмета внутреннего удовольствия с оценочной характеристикой «одно то, что тепло, а другое, что хорошо» оказывается в руках Гоголя-стилиста «мостиком» для оценочного «преобразования» героя: из человека «зацикленного» на переписывании, неуверенного в себе, не замечавшего, «что происходит всякий день на улице», он *сделался как-то живее, даже твёрже характером, как человек, который... поставил себе цель; С лица и поступков исчезло само собою сомнение, нерешительность – словом, все колеблющиеся и неопределённые черты*³. Комические черты рождения, поиска имени, «арбузные и дынные корки!» на шляпе, еда «с мухами» и многое другое превращается в добрую иронию с помощью палитры «сильных» прагмем, объединённых семантикой изменений в лучшую сторону, приводят Башмачкина сначала к весёлому расположению духа от похвалы шинели, а затем – к трагедии её утраты и бесконечным мучительным поискам, приведшим к смерти человека, предпринявшего смелую попытку достичь цели. В этом весь трагизм писателя, наблюдающего, как «весёлое стало печальным» [1, с. 77], ревниво подмечающего всё «гадкое, жадное, стыдное» [1, с. 78].

В центре трагедии отрицательного, которая описывает поиск украденной шинели, встаёт значительное лицо, изображённое Гоголем с высокой силой сатирической оценки и реализующее антилизу «маленький» – «значительный», «титularный чиновник» – «генеральский чин». Его аксиологический портрет гениально вписан писателем в раму из двух «сильных» прагмем – окказиональной и узуальной – по отношению к герою повести: как много в человеке бесчеловечья, ...свирепой грубости⁴ (в начале повести) и ограблен бесчеловечным образом⁵ – в конце (бесчеловечный – «очень жестокий, безжалостный»⁶).

¹ Нос // Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998. С. 422.

² Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 169.

³ Там же. С. 155.

⁴ Там же. С. 144.

⁵ Там же. С. 166.

⁶ Бесчеловечный // Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998. С. 47.

Горький смех и позиция в гоголевской «художественной кунсткамере» [1, с. 86] построены на лексической парадигме, в которой сигматическое значение [13] отражает внутренние противоречия личности, изуродованной петербургской чиновничьей мифологией, «электричеством чина»: *почитался незначительным лицом – значительное лицо – одно значительное лицо – ещё более значительнейшее*. Семантика «важности», входящая в семантическую структуру «слабой» прагмемы «значительный»¹, актуализируется как подтекст осуждающего смеха-оценки, с помощью приёма безличности – у значительного лица нет ни имени, ни фамилии, и курсив несёт в себе также осуждающий смысл. Включается в текст и приём оценочного «превращения» похвального (реализуемого положительными «сильными» прагмемами) в порицаемое: *он был в душе добрый человек, хорош с товарищами, человек очень порядочный, даже не глупый человек*². Причина отрицательных преобразований весьма характерна для русского человека: *получивши генеральский чин, сбился с пути; приобрёл черты «кунсткамеры» – грозный вид, строгость с низшими, громкий голос, показную строгость (в стилистике оценочных предикатов) и так далее, сурово осуждаемые писателем как субъектом оценки*.

Конфликт как причина смерти «маленького человека» из-за страха от «распекания» *значительным лицом* отражает то качество в аксиологическом портрете писателя, что «Художественное бессилие в области серьёзного Гоголь переживал как драму – оно было для него религиозным страданием. Но оно же было для него и эстетической обидой, потому что в создании положительного он имел не только нравственную потребность. ...его ужаснули его собственные детища» [1, с. 77].

«Социальное христианство» предусматривало идеал братства между людьми, независимо от их социальной принадлежности, и Гоголь вдохновлялся этой идеей в текстах «Шинели» и «Носа» [7, с. 138].

Оценочные смыслы фрагментов болезни и смерти Акакия Акакиевича представлены языковыми средствами, выражающими горькую иронию модальности неодобрения: «Свою негативную оценку Гоголь высказывает опосредованно, делая рупором своих взглядов осуждаемых им же персонажей, как бы в насмешку вкладывая им в уста свои мысли, своё отношение, но не свои чувства, которые остаются глубоко спрятанными» [14, с. 63]. Одно из ярких средств – скопление глаголов с семантикой состояния страха, сильного испуга: *обмер, пошатнулся, затрясся, его ...вынесли почти без движения* – всей палитры чувств, вызванных *значительным лицом, упоенным мыслью, что его слово может лишить даже чувств человека*. «Превращение» «большого» чина в причину смерти «маленького» описано со всей реалистичностью и натуралистическими подробностями болезни, в которой значительному лицу помог ещё и петербургский ветер. Разговорная лексика болезни *надуло в горло жабу, весь распух, слёг в постель, находился в бреду и в жару...* вступает в отрицательный оценочный ансамбль с речью доктора: *чрез полтора суток непремный капут, закажите теперь же сосновый гроб...*³

Внутренняя сила драматической оценки создаётся кульминацией горькой иронии, где условием «плохого» выступает языковая семантика «хорошего»: *Благодаря великодушному вспомоществованию петербургского климата болезнь пошла быстрее, чем можно было ожидать*⁴, а нейтральное «похоронили» вступает в противоречие с высоким стилем фразеологизма «испустил дух». Апофеоз «ужаса от собственных детищ» выражается у Гоголя внутренней экспрессией «двойного» отрицания, доводящего оценочное суждение до смысла

¹ Гоголь Н. В. Значительный // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 232.

² Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 165.

³ Там же. С. 168.

⁴ Там же. С. 167.

«небытия» как религиозного страдания: перевод реального в ирреальное, горемычной жизни бедного человека – в несуществование. Операторами «двойного» отрицания выступают отрицательные частицы, местоимения, наречия, прагмема «существо», в семантике которой не различаются человек и животное – «живая особь»¹, отрицаемые эпитеты и «злое» сравнение с обыкновенной мухой, и, наконец, Петербург как один из героев повести «Шинель» и одна из причин одиночества главного героя: *И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нём его никогда и не было. Исчезло и скрылось существо, никем не защищённое, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимание и естество наблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть её в микроскоп; существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшего в могилу...*²

Этот образ нереального, небытия подтверждается особенностями речи Башмачкина – она переполнена «бесформенными» [15] словечками – предложениями, наречиями, частицами, лексемами без лексического значения, с высокой степенью грамматического обобщения: *это, право, совершенно того, так вот как! наконец вот что вышло* и т. д. Речь его пуста от мысли, вероятно, изысканный стилист Гоголь обуславливает этим реальность «небытия» маленького человека, исчезновения его даже из мысли «окружающего мира».

Но «светлый гость» – шинель – и принесённое этим гостем несчастье – не дают Гоголю остаться в пространстве всемирного зла, и аксиологическая природа его художественной личности, его индивидуальное стремление передать любовь через

отрицание и выразить хорошее в плохом, показать добрую иронию в злой находит себя в оценке-фантазии, несущей смысл конца-наказания, конца-перевоспитания чиновника. Цель писателя – создать образ-символ «хорошего» конца достигается приёмом «превращения» реального в ирреальное, смерти в жизнь, *чиновника-мертвеца в фантастического мстителя, судью с его языковыми оценками.*

Заключение

Применяя в качестве компонентного семантического анализа когнитивную природу языкового знака, можно проникнуть в тайну писателя-судьи, писателя-ценителя, писателя-критика, найти такую оценку, с помощью которой он пытался достичь желаемого – найти положительный образ и лежащие в его основе положительные чувства.

Когнитивно-дискурсивные возможности читателя-адресата обнаруживают гоголевскую душу в страстном желании положительной оценки в текстовом полотне «Шинели» и «Носа». Это многоцветная палитра оценки-фантазии с её прагматическим и комическим абсурдом, с «техникой фокуса» для открытия «самой утончённой» (А. Белый) души XIX столетия – рисует вымысел как реальное, в котором два сюжетобразующих объекта – артефакт – *шинель* как символ страданий души «маленького человека» (чиновника самого низкого ранга, титулярного советника) и соматизм *нос* как символ страданий души чиновника (майора) – становятся выражением желаемого положительного, которое так важно в аксиологическом портрете Гоголя с точки зрения современного читателя, осознающего фантастическое как реальное. «Быть может, Ницше и Гоголь – величайшие стилисты всего европейского искусства, если под стилем разумеать не слог только, а отражение в форме жизненного ритма души» [2, с. 308].

Статья поступила в редакцию 01.03.2024.

¹ Существо // Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998. С. 782.

² Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 169.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М.: Республика. 1994. 591 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
3. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. 478 с.
4. Виноградов В. В. Гоголь как культурно-психологическое и народно-языковое явление // Памяти академика В. В. Виноградова: сборник статей. М.: Московский университет, 1971. С. 13–22.
5. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1934. 287 с.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки (на материале португальского языка). М.: Едиториал УРСС, 2006. 278 с.
7. Воропаев В. А. Мирозерцание и поэтика Н. В. Гоголя в критике Русской эмиграции (1921–2018) // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 4. С. 138–163.
8. Карасик В. И. Коммуникативные характеристики абсурда // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 40–49.
9. Карасик В. И. Языковая лестница познания. М.: Государственный институт русского языка, 2022. 462 с.
10. Маркелова Т. В. Знак-прагмема как семиотическая доминанта аксиологического поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 581–592.
11. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка. М.: Институт современного искусства, 2019. 232 с.
12. Мякшева О. В. Лингвистический анализ художественного текста как ключ к его осмыслению: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 704–718.
13. Новиков Л. А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: Российский университет дружбы народов, 2001. 842 с.
14. Петрушина М. В. Выражение модальности неодобрения в художественной речи Н. В. Гоголя // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2009. № 4. С. 63–71.
15. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 154 с.
16. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 183 с.
17. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia. 2000. 128 с.
18. Эйхенбаум Б. М. Литература: Теория. Критика. Polemica. Л.: Прибой, 1927. 300 с.

REFERENCES

1. Aikhenvald Yu. *Siluety russkikh pisatelej* [Silhouettes of Russian writers]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 591 p.
2. Bahtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iscusstvo Publ., 1979. 423 p.
3. Bely A. *Kritika. Estetika. Teoriya simbolizma. T. 1* [Criticism. Aesthetics. Theory of Symbolism. Vol. 1]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. 478 p.
4. Vinogradov V. V. [Gogol as a Cultural-Psychological and Folk-Linguistic Phenomenon]. In: *Pamyati akademika V. V. Vinogradova* [In memory of academician V. V. Vinogradov]. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 1971, pp. 13–22.
5. Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–19th centuries]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izd-vo Publ., 1934. 287 p.
6. Volf E. M. *Funkcional'naya semantika ocenki (na materiale portugal'skogo yazyka)* [Functional Semantics of Assessment (Based on the Material of the Portuguese Language)]. Moscow, Editorial URSS, 2006. 278 p.
7. Voropaev V. A. [Nikolai Gogol's Worldviews and Poetics in the Literary Criticism of the Russian Emigration (1921–2018)]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 4, pp. 138–163.
8. Karasik V. I. [Communicative Features of Absurdity]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19:*

- Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication], 2021, no. 2, pp. 40–49.
9. Karasik V. I. *Yazykovaya lestnica poznaniya* [Language Ladder of Cognition]. Moscow, Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka Publ., 2022. 462 p.
 10. Markelova T. V. [Sign-Pragmem as a Semiotic Dominant of the Axiological Field]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2019, vol. 10, no. 3, pp. 581–592.
 11. Markelova T. V., Petrushina M. V. *Ocenochnye vyskazyvaniya v kommunikativnom prostranstve russkogo yazyka* [Evaluative Statements in the Communicative Space of the Russian Language]. Moscow, Institut sovremennogo iskusstva Publ., 2019. 232 p.
 12. Myaksheva O. V. [Linguistic Analysis of a Literary Text as the Key to Its Comprehension: Cognitive and Discursive Aspect]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2023, vol. 14, no. 3, pp. 704–718.
 13. Novikov L. A. *Izbrannye trudy. Tom II. Esteticheskie aspekty yazyka. Miscellanea* [Selected works. Volume II. Aesthetic Aspects of Language. Miscellanea]. Moscow, Rossijskij universitet družby narodov Publ., 2001. 842 p.
 14. Petrushina M. V. [Expression of the Modality of Disapproval in the Artistic Speech of N. V. Gogol]. In: *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela* [News of Higher Educational Institutions. Problems of Printing and Publishing], 2009, no. 4, pp. 63–71.
 15. Peshkovsky A. M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow, Uchpedgis Publ., 1956. 154 p.
 16. Propp V. Ya. *Problemy komizma i smekha* [Problems of Comedy and Laughter]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 183 p.
 17. Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse* [From Text to Symbol: Linguocultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse]. Moscow, Academia Publ., 2000. 128 p.
 18. Eikhenbaum B. M. *Literatura: Teoriya. Kritika. Polemika* [Literature: Theory. Criticism. Controversy]. Leningrad, Priboi Publ., 1927. 300 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркелова Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, первый проректор-проректор по учебной работе, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций АНО ВО Института современного искусства;
e-mail: tvmarkelova@mail.ru

Петрушина Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций АНО ВО Института современного искусства;
e-mail: mpetrushina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana V. Markelova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., First Vice-Rector-Vice-Rector for Academic Affairs, Professor of the Department of Journalism and Mass Communications, Institute of Modern Art;
e-mail: tvmarkelova@mail.ru

Maria V. Petrushina – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Institute of Modern Art;
e-mail: mpetrushina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Феномен аксиологического портрета Гоголя: противоречие между желаемым и действительным // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 8–19.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-8-19

FOR CITATION

Markelova T. V., Petrushina M. V. Phenomenon of Gogol's Axiological Portrait: Contradiction between the Desired and the Actual. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2, pp. 8–19.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-8-19